

Р. Г. Жамсаранова

ГЕНОНИМ ЛУНИКЕРСКИЙ НЕРЧИНСКИХ ТУНГУСОВ: ДО-ЭТНОНИМНОЕ И СОБСТВЕННО-ЭТНОНИМНОЕ ЗНАЧЕНИЯ И ЯЗЫКОВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОНИМА

Представлено описание генонима *Луникерский* – наименования рода тунгусов Нерчинского уезда XIX в. В целях определения этноязыковой принадлежности генонима *Луникерский* использованы методы сравнительно-исторического языкознания, а также экстралингвистические факты по данным документов Государственного архива Забайкальского края о численности рода, виде хозяйства тунгусов-луникеров, позволившие полагать об ином, нежели оленеводство, образе жизни рода. Данное родовое название неоднозначно с точки зрения этноязыковой принадлежности, поэтому описывается два плана содержания значения генонима как родового имени тунгусов Нерчинска. Собственно-этнонимное значение генонима связано с обско-угорским этноязыковым субстратом, например языком и этнографией ханты. Данное предположение связано с возможностью соотнесения изображений рыбы и белки на личных тамгах-печатах старост Луникерских родов с собственно-этнонимным (генонимным) значением родового названия *Луникер*. Об этой возможности свидетельствуют впервые приведенные родовые (личные) тамги старост тунгусов-луникеров, извлеченные из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края. До-этнонимное (генонимное) значение генонима *Луникер* (Люникер) может быть связано с северно-самодийской лексемой именования «орла» (нганасанского *lunfe / lenfe* ‘орел’) и доказывается опорой на лингвистические и экстралингвистические данные. На вероятность гипотезы о соотнесении этноязыкового состава рода Луникер указывает и то, что в этнической среде бурят-инородцев имелись роды тавангуцкие (иногда табунуты). Значение данного экзонима объясняется из лексики кетского языка и означает «лесной», напоминая о Лесных народах эпохи монголов. В эвенкийском языке корнеслов *тэвэ* означает ‘народ, племя’ в значении ‘иноплеменник’, т. е. это аллоэтноним для тунгусо-маньчжурских племен прошлого. Буряты-табануты, или табунуты, кочевали смежно с тунгусами Нерчинска, что позволяет объективировать этническую и языковую «пестроту» тунгусского населения Урульгинской степной думы Нерчинского уезда. Значение генонима *Луникерский*, которое представляет собой весьма архаичный ментефакт в качестве родоплеменного имени, а потому неоднозначное тому подтверждение.

Ключевые слова: геноним *Луникерский*, тунгусы Нерчинска, Урульгинская степная дума, Государственный архив Забайкальского края, орел-тотемный предок, нганасанский язык, тамга старосты рода.

Статья посвящена проблеме определения этноязыкового происхождения и значения одного из генонимов нерчинских тунгусов – *Луникерский* / *Люникерский*. Первый аспект проблематики вопроса связан с кратким описанием численно-родового состава родового объединения *Луникерский*, выписанным из «ревизских сказок» или ревизских описей тунгусского населения Нерчинского уезда Урульгинской степной думы, хранящихся в дореволюционном фонде Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Луникерский род тунгусов был приписан к Онгоцонской инородной управе [Жамсаранова, 2013а: 11–17].

Самое первое упоминание о Луникерском роде зафиксировано в документе от 1791 г. под названием «Ведомости о сборе ясака и недоимок. Прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову», в котором записано, что из 15 родов урульгинского цуглана Перво-Луникерский род уплатил 88 рублей в 1790 г., а в 1789 г. с этого же рода было «взято» 12 рублей [ГАЗК, ф. 31, оп. 4, д. 47, л. 43]. В документе от 1793 г. в списке родов Урульгинской степной думы упомянут Луникерский род, в котором 89 душ являются плательщиками ясака, 153 не платят ясак, всего – 242 души, «14 крещеных ис числа оных» [ГАЗК, ф. 31, оп. 4, д. 48, л. 5]. В списке «теленбинских» тунгусов Луникерского рода 18 душ платят ясак, 23 не платят, всего 41 душа, из которых только 2 души крещеных [л. 24].

Со временем тунгусских родов Урульгинской степной думы осталось 38 из 43, по сведениям документов, датированным 1763 г. По документам ревизии 1816 г., Луникерский род из 16 семейств – самый многочисленный по сравнению с другими – Почегорским (15 семейств), Сартоцким (1 семейство), Шунинским (9 семейств), Казейским (6 семейств) –

и входит в общую численность из 230 душ [ГАЗК, ф. 10, оп. 1/5, д. 7513]. Зайсаном этого рода записан «лутший человек» Наран Инкеев, а шуленгой – Мычилтуй Бобоев.

В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» 1828 г. приведено число душ Луникерского рода в количестве 253 [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 33]. Согласно документу, датированному 1840 г., в составе Люникерского рода православными считаются 16 душ мужского пола и 6 женского, «ламайской веры» придерживаются 235 душ мужского пола и 268 женского, шаманистов нет [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 16, 272 л.]. К ревизии 1858 г. Люникерский род совместно с двумя другими – Сартоцким и Вакасылским – относится к Онгоцонской инородной управе, объединяющей 3 тунгусских рода [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 59]. Онгоцонская управа Урульгинской степной думы находилась примерно в пределах современного Ононского района, Акшинского и части Кыринского Забайкальского края, т. е. это приграничная территория с Монголией. Потому отмеченная «ламайская вера» у числа тунгусов-люникеров/луникеров может свидетельствовать о том, что со временем эта часть тунгусов ассимилировалась в среде агинских бурят. Тогда как другая часть, крещеная, стала этнической основой русскоязычного старожильского населения Нерчинского уезда, позже – русскими Забайкалья или так называемым «гуранским», т. е. местным, помнящим о своем тунгусском происхождении, населением.

Исследователь Т. Б. Уварова пишет, что эвенкийская часть тунгусов Нерчинска была ассимилирована в основном русскими: «По материалам переписи 1926 г., отразилось внезапное исчезновение тунгусов в Забайкалье» [Уварова, 2006: 154]. Это же явление было подмечено С. К. Паткановым: «Принадлежность тунгусского племени зиждется у них лишь на различии в сословиях. Достаточно уничтожить условное деление жителей Сибири на сословные группы, и вся масса обруселых инородцев, в нашем случае половина всего тунгусского народа даже по имени станет русской» [Патканов, 1906: 80]. Действительно, анализ ревизских описей ГАЗК позволяет утверждать, что к переписи 1926 г. населения ни о каких тунгусских родах Нерчинского уезда уже не упоминается, вместо тунгусов присутствуют в документах «государственные крестьяне», под которыми мы склонны иметь в виду позднее старожильское русское население с тунгусскими корнями.

Изучение фондов ГАЗК по тунгусскому населению Урульгинской степной думы позволяет отличать тунгусов от собственно эвенков или эвенов. Выяснилось, что к Урульгинской инородной управе были приписаны 2 «бродячих» ороchonских рода в количестве 30 душ, антропонимный состав которых свидетельствует о том, что это все-таки эвены или эвенки, имевшие 165 оленей. К примеру, эвенкийское начало рода Бултегерский подтверждается и языковой принадлежностью личных имен инородцев данного рода [Жамсаранова, 2020: 197–224], что опосредовало мнение о наличии эвенков Бултегерского рода в количестве 30 душ ясачных (только мужских душ) во всей массе тунгусов князя Гантимура. Таким образом, анализ документов Урульгинской степной думы позволил разделить собственно эвенков, которые вели «бродячий» образ жизни в отличие от «сидячих» тунгусов князя Гантимура. К последним относился и Луникерский род.

Тунгусы Луникерского рода Онгоцонской инородной управы имели коней, рогатых, баран и коз. Более всего коней имели тунгусы Сартоцкого рода (1 245), вакасылыцы (493), меньше всех – 136 голов – Люникерский род. Всего по управе коней было 1 874 головы, рогатых – 1 283, баран и коз – 2 769 штук [ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 39]. Верблюдов в Онгоцонской управе, по-видимому, не разводили, хотя тунгусы соседней Шундуинской управы имели 43 верблюда.

Анализ данных по тунгусскому населению Нерчинского уезда «говорит» в пользу прежде всего скотоводческого направления хозяйственной деятельности, но не оленеводческого ввиду полного отсутствия оленей (за исключением одного Бултегерского рода Урульгинской инородной управы). Потому тунгусы Луникерского рода по хозяйственной

деятельности своей не являлись оленеводами, проживали на таких территориях уезда, где приоритетным типом хозяйства, судя по архивным данным, было скотоводство, рыболовство или же охота. Вероятно, последнее и было одним из основных занятий тунгусов-луникеров, одна часть которых была окрещена и стала русскими, другая же часть приняла «ламайскую веру» и впоследствии влилась в этнический состав поздних бурят.

Второй аспект поставленной проблемы – это определение значения генонима *Луникерский*. Для решения данного вопроса важно приблизительно определить тот этноязыковой состав, в среде которого обретался Луникерский род. Среди телембинских тунгусов упомянут Почегорский род как один из тех тунгусских родов, который мы определили как самодийский [Жамсаранова, 2013а: 113–114], что позволяет предполагать о единой этногенетической общности тунгусов, явно связанной с самоедоязычным субстратом ономастики Восточного Забайкалья [Жамсаранова, 2011: 21–33].

Созвучное названию *Луникер / Люникер*(ский) род Линанчер обнаруживается среди названий пяти родов авамских нганасан [Долгих, 1960; Ващенко, Долгих, 1962: 178–182], основа-апеллятив которого объяснима, по мнению Б. О. Долгих, от нганасанского *luŋfe / leŋfe* ‘орел’. П. Т. Ващенко и Б. О. Долгих пишут, что, согласно А. М. Кастрену и Прокофьеву, нганасанское *luŋfe / leŋfe* ‘орел’ можно соотнести с формой *леŋхе* [leŋhe], так как в нганасанском звук ‘f’ чередуется со звуком ‘h’ [Ващенко, Долгих, 1962: 179]. В работе «Предания о тотемистических названиях родов у нганасан» исследователи П. Т. Ващенко и Б. О. Долгих пишут, что, по полевым сведениям от 1926 г., главными считались два рода – Нгомде и Нгамтусо, или роды Орла и Ворона [Ващенко, Долгих, 1962: 178–182]. Род Орлов представлял собой пясидских самоедов, родовое название которого информатор из рода Нгомде истолковывал от нганасанского апеллятивного *леŋхе* ‘орел’ [там же].

Мы полагаем, что название *Луникерский* нерчинских тунгусов – это транслитерированный вариант нганасанского родового имени, в основе которого лежит отапеллятивное *luŋfe / leŋfe / леŋхе* ‘орел’; *лыŋхы* ‘орел’ [СНГР, 2001: 47]. Суффиксальное *-кер* генонима *Луникер* – это тунгусо-маньчжурское *-гир*, которым «оформлялись» все тунгусские родоплеменные названия – Баягир, Дуликагир, Топтагир и пр. Генооснова *Лун-* сопоставима с основой апеллятива *luŋfe / leŋfe / леŋхе* ‘орел’; *лыŋхы* ‘орел’ – *лыŋ-* / *луŋ-*. Отметим, что название *Линанчер* соотносимо с основой *лыŋ-*, а геноним нерчинских тунгусов *Луникер* – с основой *луŋ-*. Это значение генонима *Луникер* представляет собой до-генонимное значение и связано с самоедоязычным ономастическим субстратом.

Однако те немногие архивные факты в виде личных тамг старост этих родов Луникер, на которых имеются изображения белки и рыбы (на второй тамге-печати), являются основанием описать собственно-этнонимное (генонимное) значение данного названия. По-видимому, исконное значение генонимного *Луникер* утратилось со временем, об этом свидетельствует изучение родовой тамги тунгусов-луникеров, которая представлена в образе белки (рис. 1), что более предпочтительно для так называемых Лесных народов – таежных охотников и собирателей. На другой печати старосты «тавангуццкого» рода изображена рыба (рис. 2) [ГАЗК, ф. 55. оп. 2, д. 32].

Если исходить из того, что рисунок на тамге родового старосты является прообразом родоплеменного тотемного предка, то возможно трактовать значение генонима *Луникер* из хантыйского языка, в котором апеллятив белка имеет форму, включая и диалекты, как ПХанты *länkjī ‘Eichhorn’, ваховск. länkjī, васюган. länkjī, тромъюган. laŋkjī, юган. laŋkjī, верхнедемян. taŋkə, верхнекондинск. taŋkə, низ. ям. taŋkə, казым. lankĩ, обдор. laŋkjī [Honti, 1982: 78]. И лексически именование белки почти совпадает с геноосновой онима Луникер(ский). По-другому, это значение является вторичным (собственно-этнонимным) значением онима. Если бы было все так просто в этнонимике, когда только по тамге возможно реконструировать значение именованного рода, тогда не были нужны и лингвистические

Рис. 1

Рис. 2

штудии. Если иметь в виду, что изображение белки на личной печати / тамге старосты Луникерского рода это и есть тот образ, от которого можно определить значение названия рода, то закономерен вопрос: «Являлась ли белка тотемом рода?», так как первичное значение этнонима должно быть связано с образом тотемного первопредка племени или рода.

В религиозной культуре обских угров, подробно изученной и представленной в трудах многих ученых (Соколова, 1971, 1977; Кулемзин, 1984; Лукина, 1990, Головнев, 1995; Молдановы, 2000; Дмитриева, 2005), нет упоминания о наличии образа белки в качестве родоплеменного первопредка. Однако в статье В. В. Сенкевич-Гудковой высказано предположение о белке, которая возможно «...будучи тотемом одного из хантыйских родов, могла быть спущена на землю, как, например, спускается с неба на землю медведь в многочисленных хантыйских и мансийских преданиях и песнях о божественном происхождении медведя» [Сенкевич-Гудкова: 411]. Ссылаясь на книгу В. Я. Евсеева «Исторические основы карело-финского эпоса», В. В. Сенкевич-Гудкова пишет, что «в прибалтийско-финском фольклоре есть указание на то, что белка была тотемом какого-то карельского или финского племени» [Сенкевич-Гудкова: 411].

Справедлив тезис о том, что этнонимы и генонимы – это древние слова с утраченной первоначальной семантикой [Суперанская, 1973: 209], а потому мы различаем первичное (утраченное или до-этнонимное) и вторичное (собственно-этнонимное) значения. Отметим, что Т. Н. Дмитриева при описании хантыйской топонимии бассейна р. Казым, отмечая ряд топонимов, образованных от названий птиц, относит некоторые из них к названиям, связанными с тотемом – орлом, вороном, глухарем, лебедем и прочими птицами, особо почитаемыми ханты [Дмитриева, 2005: 242–264]. При этом те топонимы, где в структуре имени выявлено именование белки, относятся к названиям, содержащим информацию о наличии пушного зверька, имеющего промысловое значение [Дмитриева, 2005: 255]. Поэтому не исключая возможности объяснения онима *Луникер* от хантыйского именованья белки *länki* как весьма древнего тотема финноязычных племен, мы предлагаем и несколько иную трактовку семантики онима *Луникер*.

Во-первых, мы предлагаем тамгу старосты рода с изображением белки считать личной печатью, а не родовой. По-видимому, образ белки на личной тамге старосты Луникерского рода – это свидетельство факта поздней контаминации на изначальный, но утраченный образ орла более раннего периода – эпохи господства самоедоязычных нганасан, к примеру, позднего этноязыкового сознания, например, обских угров – ханты и манси. Любопытно, что

витальность онима поддерживалась только в качестве родоплеменного названия языковыми средствами уже более позднего этнического языка, соответственно, и сознания. Это иллюстрация очередного факта межъязыковой омонимии, столь распространенного явления в ономастике.

Первичное, т. е. утраченное значение генонимного *Луникер*, объясняемого из лексики нганасанского языка, иллюстрирует не только факт наличия двух планов значения генонима *Луникер*, но и наличие ментальности предшествующего этноязыкового сознания. Образ орла, по сравнению с образом белки как тотемного предка рода, более естественен, историчен и востребован сознанием средневекового человека. Образ белки, изображенной на личной тамге старосты рода, вследствие чего возможно трактовать оним *Луникер* как «беличий» род из языка ханты, не подтверждается этнографическими данными сибирских народов.

Во-вторых, отстаивая несоответствие между собственно-этнонимным (вторичным) значением генонима *Луникерский* и тем скрытым, первичным (до-этнонимным) значением онима, полагаем, что геноним *Луникер* возник на одной этноязыковой почве и со временем стал именованьем уже другой этноязыковой общности, в коллективном сознании которой постепенно «стерся» первоначальный образ предка, осталось только имя. Подобные процессы обусловлены к тому же отсутствием письменных и эпических памятников. Отсюда возможен вывод, что и тунгусы Урульгинской степной думы, равно как и бурятские роды Хоринской и Агинской степных дум, также представляли собой сплав различных этнических, языковых сообществ эпохи Средневековья, различающихся по языку и культуре, ментальность которых претерпевала изменения и трансформации.

Предположение о нганасанском начале генонима (как до-этнонимном значении) обусловлено следующими соображениями: другим именованьем нганасан может быть геноним *табангут(ы)* в среде бурят. Во-первых, Б. О. Долгих пишет, что далекими предками современных нганасан считаются самоеды-тавгийцы. А. И. Попов другим названием нганасан считает именование Тавгитский род, или тавгийцы, отмечая естественную смешанность внутри самодийских групп, их малочисленность, служащие препятствием при «получении достаточно точных выводов о подлинном историческом процессе складывания подобных малочисленных коллективов – со слабой документальной основой и сложными разноплеменными влияниями» [Попов, 1973: 154]. Для подтверждения северно-самодийского языкового происхождения онима тавгийцев сопоставим корневую основу этнонима Тавгийский/Тавгитский [Попов, 1973: 154] *тав-* с эвенкийской/эвенской лексемой *тэвэ* ‘народ, племя’ в значении ‘иноплеменник’ [ССТМЯ, 1975, 1977: 226]. Выявляется экзонимное начало того племени, которое известно как *тэвэ*, что само по себе исключает тунгусо-маньчжурское происхождение онима *тавгийцы*.

Б. О. Долгих отмечает в составе сымских и касских остяков Енисейского уезда – дюканов – наличие родов Товар и Табаров в 1629 и 1633 гг. [Долгих, 1960: 146]. По его мнению, эти роды являлись ‘иноплеменниками’ для эвенков, т. е. чужим для них народом или племенем. Он пишет: «Что касается названий Товар и Тобаров, то это, очевидно, эвенкийское слово *тэвэ* – народ; племя (<Василевич, 1940: 134>), употребляемое и в смысле иноплеменник, иноземец» [Ващенко, Долгих, 1962: 177]. Не исключено, что эти роды и есть те самые *тавгийцы*, чужеродные для эвенков.

Во-вторых, в ненецком языке нганасан именуют *тавыс*. Полагаем, что экзонимное *тавгийцы* для эвенков – это те же роды *тавыс*, т. е. нганасан, как их именуют ненцы. Вероятно, что ненецкое *тавыс* – это такое же экзонимное название чужого народа, как *тавгийцы* для эвенков. Отсюда следует вывод, что собственно самоназванием нганасан могло быть какое-то иное название, но не *тавгийцы* или *тавыс*. В среде бурятских генонимов также имеется данный экзоним, лексически схожий с экзонимом *тавыс*, – название одного из бурятских родов – *табангуты*, которые совершали набеги с монголами на тунгусов, кочевавших

в пределах Еравны, Хилка, Куды, Уды, вплоть до Иргенского острожка, что позволило исследователям упоминать табангутов в среде тунгусов, приписанных к Нерчинскому уезду. Б. О. Долгих упоминает о фактах нападения *табунутов* «на русских и хоринцев в низовьях Селенги, в Прибайкалье и Забайкалье». Затем, когда политическая ситуация стала склоняться в сторону русских, было замечено, что некоторые группы *табунутов* стали с охотой принимать русское подданство. После событий 16 сентября 1688 г., когда воевода Ф. А. Головин за Большим Хилком разбил *табунутского* тайшу Серень Секулая (в 1670 г. тайша Цакулуй), 1200 юрт *табунутов* попросились в русское подданство и позже даже участвовали в походах русских против монголов. Окончательно родовые объединения *табунутов* в 1719–1721 гг. после признания над собой власти «Белого хана» и оставшись на российской стороне, образовали здесь 1, 2, 3 *табунутские* роды [Долгих, 1960: 320–321].

Ц. Б. Цыдендамбаев, как и Е. М. Залкинд, считает этнический состав *табангутов* разнородным, смешанным объединением элементов собственно монгольских и омонголившихся этнических групп. Ц. Б. Цыдендамбаев, исключая толкование *табангут* Е. М. Залкинда как «множественное число от числительного (тав(ан) ‘пять’)», склоняется к мнению О. М. Ковалевского о том, что *табунут* / *табангут* «восходит к монгольскому княжескому титулу табунанг» [Цыдендамбаев, 1972: 238]. Мы предлагаем иную версию, а именно: корневая основа экзонимного *табунут* или *табангут* сопоставима в лексико-семантическом отношении с кетской лексемой *табаң* ‘лес’ в значении ‘лесной’. Напомним о наличии среди монгольских племен племени Лесных народов в эпоху возвышения монголов. Вероятность соотнесения с «лесными народами» или «лесными хамниганами» и тавгийцев-нганасан, известных позже как бурятские роды *табунутов*, равно как и тунгусами Нерчинского уезда, вполне возможна.

Сопоставление этнографических фактов из прошлого тунгусов и монголов-табунутов позволяет полагать, что некогда это было единое племя. Так, А. Бранд всех тунгусов делит на народы трех родов: конные тунгусы, оленные и «собачьи тунгусы, пользующиеся собаками» [Алексеев, 1941: 539]. Описывая их нравы и обычаи, А. Бранд пишет, что «когда кто-либо из них принужден дать клятву, а именно должен этот последний вместо клятвы ранить собаку ножом под левой передней ногой и из кровоточащей собаки высасывать кровь до тех пор, пока она не околеет» [Алексеев, 1941: 540]. Таковую же значимость для табунутов-монголов имел образ собаки как прообраз тотемного предка: в документе о приведении в российское подданство монголов-табунутов, кочевавших близ гг. Селенгинск и Удинск, датированном 12 марта 1689 г., говорится: «И слушали сих статей сайты и шуленги за детей своих и за всех улусных людей дали шерть такову: пищаль целовали в дуло, саблею собак рубили, да тое кровавою саблею лизали, по чашке студеной воды пили и впредь для подтверждения к сим статьям они сайты руками своими закрепили» [Золотухин, 1909: 14–15]. Отметим, что такие «главные» средневековые монгольские этнонимы, как *монгол* и *бурят*, трактуются как онимы отапеллятивного происхождения ‘собака’, ‘волк’, только из разных языков (койбальского и древнетюркского) [Жамсаранова, 2013б]. Проблема смены религиозных воззрений, культурно релевантных для одного типа сознания на другие и «отразившихся» в этнонимике, представляет собой одну из перспективных научных проблем [Быконя, 2011: 50–57].

Как пишет Г. Миллер, Итанцынские брацкие платили ясак меньше других – по одному соболю с души, тогда как некоторые другие роды нерчинских тунгусов платили по три и по пять соболей с человека. Минимальный размер ясака был установлен только для Сартоцкого, Гуновского и Одсонского родов нерчинских тунгусов, для Мунгальского рода из телембинских тунгусов, среди еравнинских – для одного «Табунуцкого рода, который подобен монголам. И наконец, сюда относятся также итанцынские брацкие» [Элерт, 1990: 208]. Очевидно, что меньшим размером ясака облагались те племена тунгусов и «брацких»,

которые и по облику, и по образу жизни были близки к монголам – степным кочевникам, обусловленные тактикой сдерживания «брацких» родов и части нерчинских тунгусов от их ухода в пределы Монголии.

Во-первых, антропологическая близость к монголам табунутов и итанцинских брацких служит косвенным подтверждением единства происхождения и биологического родства. Во-вторых, предполагаемая этноязыковая идентичность нерчинских тунгусов, инородцев-бурят с монголами обусловлена рядом причин, основной из которых являлась причина естественного желания выжить в условиях колонизации Восточной Сибири. В. К. Андриевич при описании заключения посольством Головина договора о русском подданстве селенгинскими инородцами 12 марта 1689 г. пишет, что «то обстоятельство, что с табунутскими сайтами заключен особый договор, заставляет думать, что они (*табунуты* – Р. Ж.) не были подвластны монголам и в то же время не считали себя монголами...» [Андриевич, 2013: 67]. Чуть ранее подобный договор был заключен Головиным – послом русского царя, снаряженным в Нерчинск в 1686 г., отдельно с монгольскими тайшами 15 января 1689 г. Все эти факты служат своеобразным подтверждением того, что состав автохтонного населения Нерчинска был неоднородным в этноязыковом отношении, хотя и был объединен под соционимом «тунгусы».

Таким образом, возможность сопоставления экзонимных родоплеменных названий нганасанского *тавгийцы* или *Тавгитский* род, эвенкийского *тэвэ*, родовых имен *Товар* и *Табаров*, ненецкого *тавыс* с бурят-монгольскими родовыми названиями *табангут* или *табунут* возможна при условии того, что эти именованья следует воспринимать как экзонимные названия (аллоэтноним) одного и того же племени. Выше уже описано, что все эти названия можно объяснить в семантическом плане от кетского апеллятива *табаң* ‘лес’ [Вернер, 1993; Которова, 2015: 361], что позволяет связать эти племена с Лесными народами эпохи монголов, судя по тексту «Сокровенного сказания монголов» [Козин, 1990: 118]. Под названием Лесных народов X–XI вв. подразумеваются племена разной этноязыковой принадлежности – предков современных самодийских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и иных сибирских (и не только) народов. Языковым подтверждением этого является изученное состояние топонимии Восточного Забайкалья, стратиграфия которой обнаруживает кетоязычный, самоедоязычный и обско-угорский субстрат помимо других [Жамсаранова, Шулунова, 2003]. Последовательное изучение субстратной топонимии, этнонимии, генонимии и антропонимии, особенно исторической, дает основание полагать об участии и уралоязычных народностей в сложении исторической топонимии Забайкалья, этнонимике и генонимике монголов и бурят, а также тунгусских родов Нерчинского уезда [Жамсаранова, 2013б].

Третий аспект исследования генонима *Луникерский* связан с определением как собственно-этнонимного значения, так и до-этнонимного. Мы полагаем, что до-этнонимное значение тунгусского генонима Луникер можно определить как род Орла, если интерпретировать значение от нганасанского апеллятива *luŋfe / leŋfe* ‘орел’, сопоставимого с формой *ленгхе* [leŋhe].

Известна вариативность именованья орла в самодийских языках. В селькупском языке *лыббы* ~ *лымб* ~ *лымбы* ~ *лымбэ* ~ *лимб* – это ‘орел’ /кет. д./; *лымби* ~ *лымбиль* ~ *лымбэль* ‘орлиный’; *лымбиль* *äpät* ‘март месяц’; *лымбэкэт* *иррет* ‘январь’; ‘февраль’ [СРДС, 2005: 118–119]. Апеллятивы *лыббы* и *лымб* ~ *лимб* ‘орел’ обнаруживают, во-первых, в своем составе наличие исторического консонантного чередования *м / б*, что типично для истории развития селькупского языка [Dulzon, 1971: 35–43] и для монгольских языков. Данное историческое чередование характерно и для монгольских языков, что естественным образом подтверждает неизученные исторические контакты самодийцев и монголов.

Во-вторых, в нганасанском ‘орел’ именуется как *luŋfe / leŋfe*, *ленгхе* [leŋhe], что не позволяет сопоставить значение генонима *Луникер* с данными апеллятивами. Однако заметим, что корневая основа селькупского *лыббы* ~ *лымб* ~ *лымбы* ~ *лымбэ* ~ *лимб* ‘орел’ и нганасанского

luŋfe / leŋfe, лeнгхe [leŋhe] иллюстрирует чередование гласных -ы- и транслитерированного -ю- [u] / -e-. Любопытно то, что подобного рода чередование гласных ы / э наблюдается в ненецком языке согласно Н. М. Терещенко [НРС, 1965: 866]. Вопрос чередования согласных – это достаточно сложный вопрос в самодистике, затрагивающий не только межъязыковые интерферентные явления, но и имеющий место внутри самих языков, обусловленных глубокими и длительными историко-лингвистическими процессами. В. В. Быконя отмечает наличие реализации согласных и гласных фонем в «многочисленных комбинаторных, позиционных и факультативных вариантах» в селькупском языке [СРДС, 2005: 318].

Поэтому учитывая изустный характер фиксации генонимного *Луникер* при ревизии 1816 г., возможно предположить об общности отапельлятивной самодоязычной основы данного онима, а также вероятности до-этнонимного значения генонима как «орлиное» племя. К примеру, такие фамилии бурят, как Линховоин¹, русскоязычных забайкальцев как Лопатин или Лобашов и др., не имеют не только удовлетворительных объяснений по поводу их языкового начала, но и не изучены. Семантическое значение подобных фамилий может быть связано с лексическим значением нганасанского luŋfe / leŋfe, лeнгхe [leŋhe] ‘орел’ или же с селькупским лыббы ~ лымбы ~ лымбэ ~ лимб ‘орел’, что позволяет «перевести» на русский эти фамилии как Орлов(ы).

При учете этого возможность «орлиного» начала генонима тунгусов Луникерского рода Урульгинской степной думы представляется объективной. Архетипический образ птицы в мифологии сибирских народов тесно связан с понятием возникновения всего живого на Земле. Известно, что образ орла – это образ древнейшего тотемического образа первоустроителя мира [Агеева, 1970: 199–200].

Лексемы селькупского языка выявляют метонимический перенос объективных свойств сущего на образ большой по своим размерам птицы с учетом способности орла передвигаться по небу подобно туче. Впоследствии это нашло отражение уже посредством метафорического восприятия орла как тучеподобного существа, способного закрыть небо и вследствие этого вызвать темноту. Релевантными для выбора тотемного предка-орла представляются размеры орла как самой крупной хищной птицы на сибирских территориях, а также способности образа орла персонифицировать образы солнца, неба как неких мощных по своей силе и энергии природных объектов в сознании людей. Образ орла нашел свое отражение в символике шаманских костюмов народов Сибири, например якутского шаманского костюма, состоящего из «хвоста», «маховых перьев на крыльях», представлявшего шкуру птицы, «плащи селькупского шамана также оканчивались на спине острым мысом. Бахрома на нем была собрана пучком, как перья хвоста птицы. Шаманский нагрудник селькупов символизировал грудь птицы, прицеплена железная грудная кость» [Басилов, 1984: 100]. Птичья символика отражена в костюмах тувинских, алтайских, хантыйских, телеутских, хакасских, эвенкийских, тофаларских, бурятских [Галданова, 1998: 5–46] шаманов. Е. Д. Прокофьев пишет, что «в шаманском облачении образ птицы, по сравнению с образом зверя, является более поздним, так как образ птицы появился с развитием представлений о небесном верхнем мире, когда шаман принимал вид птицы, чтобы лететь к духам верхнего мира» [Прокофьева, 1971: 5–7]. Этнографы пишут, что костюм шамана должен был придавать самому шаману облик птицы, так как главный дух-покровитель шамана представлялся в образе птицы и, облачаясь в ритуальный костюм, шаман сливался в одно целое с духом-птицей, приобретая ее свойства. Для всех народов Сибири образ птицы-орла имел особую значимость, закрепился в мифах и преданиях. Культ орла был развит у ольхонских, кудинских

¹ Фамилию Линховоин носил известный бурятский оперный певец (см. Лхасаран Лодонович Линховоин (бур. Лёнхобын Лодоной Ёасаран) (1924–1980) – бурятский советский оперный певец (бас), актер, театральный режиссер, педагог, публицист, общественный деятель. Народный артист СССР (1959).

и верхоленских бурят племени эхирит – западных бурят. Записаны предания о духах-покровителях хори-бурят Кижинги в образах орла и ворона [Герасимова, 2000: 26].

Таким образом, описание и анализ значения генонима нерчинских тунгусов *Луникерский / Люникерский* позволяют определить родовое название как северно-самодийское. Этимология родового имени позволяет соотнести его с поздним названием Линанчер или Нгомде нганасан-тавгийцев ‘Орел’. Выявилось частотное количество нганасанских по значению личных имен хори-бурят, что подтверждает и иллюстрируют тезис об ассимиляции тунгусов-луникеров в этноязыковой среде «инородцев»-бурят и крещеных тунгусов Нерчинска, ставших позже основой русского старожильского населения наряду с бурятским Восточного Забайкалья.

Источники:

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 59;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 31. оп. 4, д. 47;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 31. оп. 4, д. 48;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 10, оп. 1/5, д. 17513;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 4;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 16;
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 55, оп. 2, д. 32;

Словари:

Василевич Г. М. – *Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь (тунгусско-русский)*. М., 1940. 220 с.
Вернер Г. К. – *Вернер Г. К. Словарь кетско-русский и русско-кетский: учебное пособие для учащихся начальных школ*. СПб., 1993. 200 с.
НРС 1965 – *Ненецко-русский словарь* / сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.
СНЗР 2001 – *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский* / сост. Т. Ю. Жданова, Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде / отв. ред. В. Ю. Гусев. СПб: Просвещение, 2001. 125 с.
СРДС 2005 – *Селькупско-русский диалектный словарь* / под ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
ССТМЯ – *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю*: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; Т. 2. Л., 1977. 992 с.

Литература:

Агеева Р. А. Об этнониме чудь / чухна, чухарь // *Этнонимы*. М.: Наука, 1970. С. 199–200.
Алексеев М. П. *Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XII–VII вв.* 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ Иркут. обл. изд-во, 1941. 610 с.
Андреевич В. К. *Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года*. М.: Вече, 2013. 288 с. (Моя Сибирь).
Басилов В. Н. *Избранники духов*. М.: Политиздат, 1984. 208 с.: ил.
Быконя В. В. *Селькупы: язык и культура (этнолингвистический очерк)*. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. 236 с.
Василевич Г. М. *Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.)*. Л.: Наука, 1969. 304 с.
Ващенко П. Т., Долгих Б. О. *Предания о тотемических названиях родов нганасан // Советская этнография*. 1962. № 3. С. 178–182.
Галданова Г. Р. *Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь: этносы и культуры*. Улан-Удэ, 1998. Вып. 3. С. 5–46.
Герасимова К. М. *Священные деревья: контаминация разновременных обрядовых традиций // Культура Центральной Азии: письменные источники: сб. ст.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 4. С. 15–34.
Дмитриева Т. Н. *Топонимия бассейна реки Казым*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 580 с.
Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.

- Dulson A.** Über die räumliche Gliederung der Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumgruppen // Советское финно-угроведение. 1971. № 1. С. 35–43.
- Жамсаранова 2013а – **Жамсаранова Р. Г.** Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013а. 288 с.
- Жамсаранова 2013б – **Жамсаранова Р. Г.** Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль, Полиграфическая база Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института, Краснодар, 2013б, № 19. С. 11–17.
- Жамсаранова Р. Г.** Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: РИО ЗабГУ, 2011. 237 с.
- Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В.** Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: РИО ЗабГГПУ, 2003. 128 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Личные имена тунгусов Бултегерского рода Урульгинской степной думы (на материале ревизских описей начала XIX в.) // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 197–224.
- Золотухин И. П.** Завоевание русскими Забайкалья. Владивосток, 1909. С. 14–15.
- Козин С. А.** Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1990. 318 с.
- Кузьмина А. С.** Христианизация коренных народов Обского Севера; культурологический аспект. СПб.: Инфо-да, 2004. 149 с.
- Патканов С. К.** Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников. СПб., 1906. Ч. 1–2. С. 80.
- Попов А. И.** Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л.: Наука, 1973. 167 с.
- Прокофьева Е. Д.** Шаманские костюмы народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1971. Т. XXVII. С. 5–7.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / Отв. редактор А. А. Реформатский. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Сенкевич-Гудкова В. В.** Отражение фольклора народов Севера в «Повести временных лет» // http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/16_tom/Senkevich-Gudkova/Senkevich-Gudkova.pdf (дата обращения 3.03.2017).
- Уварова Т. Б.** Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. 2-е изд. доп. М.: ИНИОН РАН, 2006. 172 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.
- Элерт А. Х.** Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.
- Хонти, Ласло.** Honti Laszlo. Geschichte des Obugrischen Vokalismus. Der ersten Silbe. Budapest: Akademiai Kiado, 1982. Redigit P. Hajdu. Übersetzung aus dem Ungarischen R. Hessky. Bibliotheca Uralica. 6.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александро-Заводская, 30, Чита, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2022 г.

R. G. Zhamsaranova

TRIBAL NAME OF LUNIKERSKY OF THE NERCHINSK TUNGUS: PRE-ETHNONYMOUS AND PROPER ETHNONYMIC MEANINGS AND LINGUISTIC ORIGIN OF THE ONYMA

The article is focused on the description of the tribal name of Lunikersky – the name of the Tungus ethnic groups living in the Nerchinsk district of the 19th century. To study its ethno-linguistic background, the author applies comparative historical linguistics and examines extralinguistic facts from documents in the State Archive of the Trans-Baikal Territory. These documents reveal information about the size of the clan and their economy, which made it possible to assume that they had more diverse life rather than reindeer herding. The tribal name of Lunikersky is ambiguous in terms of its ethno-linguistic affiliation, and the article suggests two possible meanings for it. The first possibility is that the name has an Ob-Ugric ethno-linguistic origin, as suggested by the personal tamgas-seals of the Luniker clan elders, which depict images of fish and squirrels. The second possibility is that the name is connected to the northern Samoyed lexeme for “eagle”, which is supported by linguistic and

extralinguistic data. The article also discusses the ethnic and linguistic diversity of the Tungus population in the Nerchinsk district, noting that the Lunikersky may be an alloethnonym for the Tungus-Manchurian tribes of the past.

Keywords: *genonym Lunikersky, Tunguses of Nerchinsk, Urulga Steppe Duma, State Archive of the Trans-Baikal Territory, eagle-totem ancestor, Nganasan language, tamga of the elder of the clan.*

Archive sources:

1. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund.55, inv.2, file 59;
2. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 31. inv.4, file 47;
3. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 31. inv.4, file 48;
4. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 1o, inv. 1 / 5, file17513;
5. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 55, inv.2, file 4;
6. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund.55, inv.2, file16;
7. State Archive of Zabaikal'sky krai, fund. 55, inv.2, file 32;

Dictionaries:

Vasilevich G. M. Evenkijsko-russkij slovar' (tungussko-russkij). [Evenk-Russian Dictionary (Tungus-Russian)] M., 1940. 220 s.

Verner G. K. Slovar' ketsko-russkij i russko-ketskij: uchebnoe posobie dlya uchashchihsya nachal'nyh shkol. [Dictionary Ket-Russian and Russian-Ket: a textbook for elementary school students]. SPb., 1993. 200 c.

Kotorova E., Nefedov A. Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1. Edited by Elizaveta Kotorova, Andrey Nefedov, 2015. Published by LINCOM GmbH 2015, Muenchen.

Nenecko-russkij slovar' / sost. N. M. Tereshchenko. [Nenets-Russian dictionary / comp. N. M. Tereshchenko]. M.: Sov. encikl., 1965. 942 s.

Slovar' nganasansko-russkij i russko-nganasanskij / sost. T. Yu. Zhdanova, N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde / otv. red. V. Yu. Gusev. [Dictionary Nganasan-Russian and Russian-Nganasan / comp. T. Yu. Zhdanova, N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde / otv. ed. V. Yu. Gusev]. SPb: Prosveshchenie, 2001. 125 s.

Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / pod red. V. V. Bykonya [Selkup-Russian dialect dictionary / ed. V. V. Bykonya]. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 348 s.

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov: materialy k etimologicheskomu slovarju: v 2 t. / otv. red. V. I. Cincius. [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: materials for the etymological dictionary: in 2 volumes / otv. ed. V. I. Cincius]. L.: Nauka, 1975. T. 1. 672 s.; T. 2. L., 1977. 992 s.

References:

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Altaic and Russian).

Argunova K. V., Sorova I. N. Fonostrukturnaia i intonatsionnaia realizatsiia glagolov zritel'nogo obraza v iakutskom i kirgizskom iazykakh. In: Kategoriiia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [Phono-structural and intonational actualization of visual impression verbs in the Yakut and Kyrgyz languages. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 43–68. (In Russian).

Balakina O. N., Dedeeva V. S. Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk: Lepta, 2015. 168 p. (In Altaic and Russian).

Borisov Iu. P. Basic features of parallelism in Yakut olonkho and Altai epic. Issues of Theory and Practice Philological Sciences 2013. № 11–2 (29). P. 44–50. (In Russian).

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a [Large defining vocabulary of Yakut language]: v 15 t. red. Sleptsov P. A. Novosibirsk: Nauka, 2007 – 2015. (In Yakut and Russian) Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic vocabulary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)

Gogoleva M. T. K probleme geneticheskoi svyazi iakutskogo olonkho i malykh altaiskikh skazanii // Filologiya i chelovek [On the genetic contacts between Olonkho and Tuvan Heroic Legends. Philology and Human] 2015. № 3. P. 78–87. (In Russian). Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of modern Altai language. Morphology] Gorno-Altaysk, 2017. 576 p. (In Russian).

- Efremov N. N.** Epicheskie formuly v olonkho (v sopostavlenii s altaiskim geroicheskim eposom "Maadai-Kara"). In: Eposy narodov mira: problemy i perspektivy sravnitel'nogo izuchenii: sbornik tezisov [Epic formulas in olonkho (in matching with the Altai heroic epic "Maadai-Kara") // Epics of the world nations: problems and horizons of comparative study: collection of theses]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2015, P. 14. (In Russian).
- Efremov N. N.** Image-forming verbs forming the spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). P. 112–118. (In Russian).
- Kharitonov L. N.** Sovremennyi iakutskii iazyk. Fonetika i morfologiya [Modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947. 320 p. (In Russian).
- Kharitonov L. N.** Tipy glagol'noi osnovy v iakutskom iazyke [The types of verb stem in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1954. 312 p. (In Russian).
- Kharitonov L. N.** Formy glagol'nogo vida v iakutskom iazyke [Forms of verbal aspects in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1960. 179 p. (In Russian).
- Kyrgyz-Russian vocabulary: in 2 books. Book 2. L – Ya. Frunze: Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sovetskoy Entsiklopedii, 1985. 480 p. (In Kyrg. and Russ.)
- L'vova S. D.** Sravneniia v iakutskom i altaiskom eposakh (na materiale olonkho "Moguchii Er Sogotokh" i Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Comparisons in Yakut and Altai epics (on the material of the olonkho "Mighty Er Sogotokh" and Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"]. 2019. № 3 (15). P. 126–139. (In Russian).
- Monastirev V. D., Efremov N. N.** Leksicheskie sredstva vyrazheniia kategorii obraznosti v iakutskom i mongol'skom iazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo deistviia, kharakterizuiushchikh dvizhenie). In: Kategoriia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [Lexical means of expressing the category of figurativeness in the Yakut and Mongolian languages (based on the material of image-forming verbs of visual action characterizing motion) In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 163–175. (In Russian).
- Nikolaeva A. M.** Sredstva vyrazheniia ekspressivnosti v iakutskom iazyke [Methods of expressing expressivity in Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2014. 128 p. (In Russian).
- Pukhov I. V.** Geroicheskii epos tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichii [Heroic epic of Turk-Mongolian peoples of Siberia] [Elektronicheskii istochnik] Rezhim dostupa: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_462.pdf (In Russian).
- Rassadin V. I.** Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh iazykakh [Mongolian-Buryats borrowings in Siberian Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russian).
- Räsänen M.** Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p. (In Germ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological vocabulary of Mongolian languages]: in 3 volumes. Moscow: IV RAN, 2015–2018. (In Mongolian and Russian).
- Sanzheeva L. Ts.** Rechevye sredstva epicheskoi obraznosti v buriatskikh uligerakh o Gesere. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Means of epic expressiveness in the Buryat uligers about Geser. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"] 2017. T. 2. (6). P. 5–16. (In Russian).
- Sevortyan E. V., Levitskaya L. S.** Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Ж", "Zh", "Y" [Etymological vocabulary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems on the letters "Ж", "Zh", "Y"]. Moscow: Nauka, 1989. 291 p. (In Turkic and Russian)
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Defining vocabulary of the Yakut language]. Ed. Sleptsov P. A. Novosibirsk: Nauka, 2004–2006. (In Yakut and Russian)
- Tybykova L. N.** Sposoby vyrazheniia sravneniia v altaiskom iazyke // Voprosy altaiskogo iazykoznanii [Methods of expressing comparison in Altai language. In: Issues of Altai linguistics]. Gorno-Altai. 1988. P. 111–127. (In Russian).
- Ubriatova E. I.** Iakutskii iazyk v ego otnoshenii k tiurkskim, mongol'skim, a takzhe tunguso-man'chzhurskim iazykam [Yakut language and its relation to the Turkic, Mongolian, and also to the Tungus-Manchurian languages]. Moscow, 1960. 34 p. (In Russian).
- Shamaeva A. E., Prokop'eva S. M.** Obraznye glagoly iakutskogo iazyka, kharakterizuiushchie chasti tela cheloveka v sopostavlenii s mongol'skim iazykom. In: Kategoriia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [The image-forming verbs of the Yakut language, characterizing parts of the human body in comparison with the Mongolian language. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 147–163. (In Russian).

Vasil'ev Iu. I. *Sposoby vyrazheniia sravneniia v iakutskom iazyke* [Methods of expressing comparison in Yakut language] Novosibirsk: Nauka, 1986. 109 p. (In Russian).

Zhirkova E. E. Features of Figurative Verbs Expressing the Human Gait in the Yakut Language (using materials of the Japanese language). *North-Eastern journal of humanities*. 2017. № 3 (20). P. 118–124. (In Russian).

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna.

PhD of Philology, assistant of Professor, professor.

Transbaikal State University.

Aleksandro-Zavodskaya Av., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru